

ТАТЬЯНА ЛАНГ

Воскресшие сердцы

18+

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НА ПЕЧАЛЕ СОЖЖЕННОЙ ЛЮБВИ

Татьяна Ланг

**Воскресшие сердца на
пепле сожженной любви**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ланг Т. С.

Воскресшие сердца на пепле сожженной любви / Т. С. Ланг —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Они готовы послать к чёрту всех тех, кто кричит, что не существует настоящей и искренней любви между близкими родственниками. И "ты" можешь лишь испытывать мимолётную страсть, или же симпатию, но не настоящие чувства. К чёрту, это ненавистное слово "инцест", которое могло бы напугать подростков в наше время, но не их двоих! Заставить вовремя задуматься над совершёнными ошибками, внушить себе, что есть границы, которые так или иначе запрещено переступать. Они никогда не проиграют своим запретным желаниям, борясь с традициями окружающего их, мира, навсегда оставаясь непреклонными. Содержит нецензурную брань.

«Воскресшие сердца на пепле сожженной любви»

«В двух семьях, равных знатностью и славой. В Вероне пышной разгорелся вновь, вражды минувших дней раздор кровавый, заставив литься мирных граждан кровь. Из чресл враждебных, под звездой злосчастной, любовников чета произошла. По совершение их судьбы ужасной, вражда отцов с их смертью умерла.

Ведь ход любви их, смерти обречённой, и яркий гнев их близких, что угас, лишь после гибели четы влюблённой, – Часа на два займут, быть может вас.

Коль одарите нас своим вниманьем, изъяны все загладим мы стараньем.

Нам грустный мир приносит дня светило – Лик прячет с горя в облаках густых...

Идём, рассудим обо всём, что было.

Одних прощенье, кара ждёт других.

И нет печальней повести на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»

(Уильям Шекспир)

ПРОЛОГ

(Марк Сорин 2012 год. Амстердам)

Свежий, утренний воздух приятно холодит кожу лица. Прикуриваю сигарету и немного отвлекаюсь, глядя на здание аэропорта. До сих пор не могу понять людей, совершающих частые перелёты и выглядящих свежими и бодрыми после этого. Собственные перелёты не смогу даже пересчитать, не хватит пальцев на руках и ногах. Однако каждый гребаный раз испытываю чувство дискомфорта, лишаясь всякого контроля внутри железной, литой конструкции. Но ради неё! И это скорее уже привычка, которая теперь должна остаться в забытом прошлом. Устремляю свой взгляд в утреннее небо, сегодня оно как никогда прекрасно! Пестрит сотней разных оттенков, от лиловато-красного до тёмно-серого, впечатляющих своей необыкновенной красотой. Монотонный стук в висках, словно марш Мендельсон, приветствующий, несвойственное мне состояние некой неуверенности и скованности. Едкий дым от почти докуренной сигареты, проникает в лёгкие, обжигая горло от последней затяжки.

Всё ещё не двигаясь с места, неотрывно смотрю на потухший экран смартфона, стараясь подавить в себе поднимающую волну страха. Сжимаю телефон настолько крепко, отстранённо думая, какую силу нужно применить, чтобы тот не выдержал давление и рассыпался на мелкие осколки прямо в ладони.

Я должен прочесть её последнее сообщение, прежде чем займу комфортное место в первом классе, воздушного лайнера, рейсом до Берлина.

Чёрт, как-то всё-таки больно! Почему мы снова вынуждены делать выбор?

Глубоко вздохнув смотрю в даль. Руки самопроизвольно выполняют свою задачу. Ввожу код и дисплей загорается, оповещая о новом СМС. Мелькающие строчки её последнего сообщения заставляют вновь занервничать, возвращая былую тревогу. «Наши сердца сгорели в огне любви... Не забывай, никогда! Прошу.»

Прожигаю пронзительным взглядом последние строки сообщения, и поддаюсь панике.

Бушующие внутри чувства, не имеющие основу, неумолимо меняют привычный уклад. Заставляют думать в данный момент не только о себе, и это вновь пугает и злит одновременно. Гребенная плата за наши нескончаемые желания, за наши не обдуманые поступки.

Тревога увеличивается с неопикуемой силой. Тяжёлая, гнетущая. Паника настигает мощной волной, сметая последние обрывки самообладания. В голове крутится лихорадочный вихрь мыслей, среди которых молниеносной вспышкой проносится главная: – Твою же мать, сука! Нет, вот только не это. Ты не сделаешь этого, снежинка!

Выбегаю из здания аэропорта, и ловлю такси. Плевать я хотел на этот долбанный рейс! Плевать на принципы!

Дорога до её дома кажется вечностью. Наконец машина плавно паркуется возле литых ворот трёхэтажного викторианского особняка. Кидаю на переднее сиденье водителю, купюру в пятьдесят евро, пулей вырываюсь из салона такси, с силой захлопнув за собой дверь. Каменная дорожка перед домом кажется мрачной, всё сильнее ощущаю непонятное и необъяснимое давление, сжимающее всю грудную клетку, сковав намертво сердце. Вот он пиковый момент, заставляющий терять остатки самоконтроля.

– Снежинка! Я здесь, – крик вырывается самопроизвольно. – Где ты?

– Чёрт! Нет только не это, девочка моя! – шиплю сквозь зубы, стараясь погасить навязчивое ощущение чего-то нехорошего.

За борьбой с собственным беспокойством, не замечаю, как оказываюсь на втором этаже дома. Теряю бдительность, что ещё больше ввергает в неконтролируемый шок, и раздражение, граничащее с проедающим насквозь бешенством. Ноги сами несут меня в направлении ванной комнаты. Смертельная тишина нагнетает обстановку, рождая далеко не лучшие предположения о её причине. Распахиваю дверь ванной комнаты и впадаю на несколько секунд в ступор.

– Малышка! Какого чёрта, твою мать! – Ты что наделала? – слышу свой же голос через пустоту моего затуманенного разума.

Её безжизненное тело лежит на полу, в луже собственной крови. Я никогда не видел столько крови. Она была повсюду. Чуть пошатнувшись, я упал перед ней на колени, до боли сжимая её нежные плечи.

– Снежинка, девочка моя! Ответь мне что-нибудь, прошу!

Я попытался сфокусировать свой взгляд на её лице, на прикрытых глазах.

– Только не это! Ты не умрёшь на моих руках, ты слышишь?! Не сегодня, малыш! – Я схватил полотенце, и начал наматывать его на тонкое запястье её левой руки.

– Дыши, девочка моя! Не уходи, слышишь?! – Открой свои глаза! – Я начал трясти её обмякшее тело, но она кажется уже ни на что не реагировала.

Не помню, как набирал номер скорой помощи. Пальцы рук дрожали, и я постоянно сбивался.

Опьянённый всем этим ужасом, я повернулся к окну и стал ждать машину скорой помощи, всё ещё не выпуская из рук мою маленькую девочку, мою снежинку.

Я обнял её, и начал убаюкивать лёгкими покачиваниями из стороны в сторону. Я ощущал её прерывистое дыхание, еле пробивавшее через состояние обморока, поэтому не прекращал говорить с ней ни на минуту.

Услышав издали звук приближающейся серены, я осторожно взял на руки сестру, и пошёл к выходу. Моё сердце рвалось на куски.

Бросив взгляд в сторону отдаляющей машины скорой помощи, сдерживая рвущуюся наружу тревогу. Вспоминаю слова реаниматолога: – «Девочка будет жить! Она справится. Ты вовремя оказался здесь!»

И не это ли сейчас главное?

Поднимаю голову к небу, задумчиво разглядывая облака, как делали это когда-то, вместе с ней, с моей маленькой снежинкой, в детстве.

Моя слабость поглощает меня всё сильнее, вторгаясь в те аспекты моей жизни, что не имеют права на эмоции. То, отчего всегда бежал, чего опасался, вновь неумолимо настигает, заглатывает запретными чувствами. Как же далеко мы зашли с тобой, моя сладкая! Где искать теперь выход? И есть ли он вообще для нас?

Что, если бы вовремя не оказался здесь? Думаешь родная, смог бы жить с этим грузом в сердце, без тебя? Глупая моя девочка! Зачем зацепилась за чужое мнение, которое тебе пытались так навязать, разрушая тем самым твои сказочные мечты? Но почему не поговорила со мной об этом? Почему не сказала мне всей правды?

Достаю из пачки последнюю сигарету, и подношу дрожащими пальцами к губам. Делаю долгожданную затяжку, перестраивая мысленно все свои планы, лихорадочно обдумываю, что делать дальше.

Кожа покрывается мурашками, стоит вновь представить её бездыханное тело в луже собственной крови. Не замечаю, что задержал дыхание, пока не ощущаю в груди нехватку кислорода. Закрываю глаза в попытке отогнать парализующие мою сущность, мысли. Достаяю из кармана джинсов смартфон, и набираю номер моего заклятого врага, её отца.

Чёртов выбор! – злюсь я, докуривая сигарету. Никогда бы не стал снова делать этого. Но сейчас действительно обязан, пройти через все круги паршивого унижения. Обязан сообщить им о том, что их дочь находится в реанимации.

Наконец, долгие трели гудков прерываются холодным, – Да! – которое так знакомо, и снова режет мой слух.

– Снежана в реанимации, – бросаю так же чёрство я. – Центральная больница номер 144!

На какой-то миг, на другом конце провода повисает гнетущее молчание. Кажется, я даже слышу через трубку, как работают шестерёнки в мозгу её отца.

– Ты так иронично издеваешься, что ли?! – наконец выдаёт Евгений Стоцкий серьёзным тоном, наполненным всепоглощающим ядом. – Не смешно, щенок! – Слышу его заключительную реплику, после которой тихо произношу: – Я не выхожу из игры! И только лишь на время уйду в сторону, после чего обязательно вернусь. Она моя, и никто не сможет этого уже изменить! Никто из вас.

– Центральная больница номер 144, – напоминаю ему и прерываю наш разговор, не дав больше его злости ни малейшего шанса. Блокирую его номер, чтобы больше не смог позвонить, и отключаю телефон.

Солнце уже припекает во всю, заявляя свои права на новый день. Наполняет улицы перепадами света, игрой насыщенных оттенков.

Мысленно, снова уношусь к событиям прошедших лет. Вспоминаю каждый миг, каждую секунду наших встреч, наших непростых отношений, прожитых совместно.

Все преграды, через которые пришлось пройти и преодолеть, скрывая изначально от всех наши запретные чувства. Странное, томящее ощущение в груди дезориентирует, пугает своей неизвестностью. Вспоминаю её манящий взгляд, который каждый раз выбивал меня из реальности, заставлял снова и снова нырять в пропасть безвыходного положения. До сих пор ощущаю на себе её дикую страсть, дерзость, вперемешку с необыкновенной нежностью, любовью, к которой изначально не был готов, и которая всё же разрушила со временем все мои убеждения, приоритеты, воспитываемые годами. Разрушила закоренелую стену цинизма, которую выстраивал и тщательно продумывал, дабы не оступиться и не оказаться на пути к соблазну. И всё же ни на мгновение не сожалею о свершённых поступках, вновь повторил бы их, повернув время вспять. Всё ради неё! Ради капризов моей снежинки!

Ничего, моя хорошая! Мы больше не станем жить прошлым. Мы будем мечтать вместе о светлом будущем, о нашем совместном будущем. Разве мы не заслужили лучшего с тобой?

Эти мысли вновь согревают душу, вселяют надежду на то, что ещё не всё потерянно.

ГЛАВА 1

(Марк Сорин 2005 год. Санкт-Петербург)

Наш самолёт, рейсом из Берлина, наконец-то приземлился в северной столице огромной и необъятной России. Я не мог не обратить внимания, насколько широкой стала улыбка моей матери, в тот момент, когда среди галдящей толпы и сливающихся между собой звуков аэропорта, она заметила своих родственников. Она была настолько довольной, что казалось в тот момент, забыла обо мне, направляясь быстрой походкой к своей кипишной родне. Я плёлся за ней, изучая её изящную спину и тащил за собой огромный чемодан с подарками. До меня всё никак не могло дойти, какого чёрта я забыл здесь? Зачем она потащила меня с собой, пятнадцатилетнего подростка, напрочь позабывшего свою когда-то любимую родину. Тем не менее мама настояла, а я был не в праве ей отказать, вынужден был послушаться, и прилететь с ней в Россию на все летние каникулы. Слава богу, у нас в Германии они длятся всего-то на всего шесть недель. Не то что здесь, в России, школьники наслаждаются свободой целых три месяца. Чёрт! Три месяца?! Да я бы чокнулся здесь, за это время. На стены лез бы от тоски.

Ругаясь мысленно себе под нос, я пропихивался сквозь толпы гудящих словно пчелиный рой, людей, которые то и дело заслоняли мне дорогу, в то время, когда моя мать уже во всю наслаждалась долгожданными объятиями со своей младшей сестрой Светланой.

Я стал вспоминать, когда мы виделись в последний раз.

Мои родители разошлись, когда мне было пять лет. Вскоре мама повторно вышла замуж за известного немецкого режиссёра Кристиана Шмидта, и вот уже как более десяти лет мы живём в прекрасном городе и столице Германии, Берлине. Последний раз я приезжал в Санкт-Петербург четыре года назад, в отличие от моей родительницы, которая так и не смогла вытеснить тоску по родине из своего сердца, и посещает Питер при первой же возможности.

Подойдя ближе к весёлой толпе, я слегка скривился, когда мой взгляд упал на мою так называемую двоюродную сестру Снежану. Я стал вспоминать её возраст, сколько ей было лет на тот момент, когда мы виделись в последний раз.

Сестрёнка посмотрела на меня своими зелёными, огромными глазами и сладко улыбнулась. И всё же я заметил некую застенчивость в её пристальном взгляде.

– Привет Марк! – прошебетала она. У неё была очень завораживающая и красивая улыбка, а на её впалых щёчках виднелись симпатичные ямочки.

– Добро пожаловать домой, на родину! – нараспев произнесла она.

– Домой? – Я слегка был удивлён тем, что только что услышал. Не знаю почему, но именно в тот момент мне захотелось ответить ей колкостью, обидеть, дабы знала своё место.

Я посмотрел на её родителей, которые в тот момент всё ещё баловали вниманием мою мать, и выдал ехидным голосом: – А ты ничего не перепутала, красавица? Вообще-то я в гости

приехал, не домой! И не собираюсь задерживаться здесь надолго, если ты об этом ещё помнишь!

Она бросила на меня, как мне показалось, обиженный взгляд и что-то ещё хмыкнула в ответ.

Я вовсе не обязан был играть роль заботливого, старшего брата. Не дождётся!

– Марк! Мальчик наш, ты ли это? Как же ты подрос, племянник мой любимый! – эти радостные возгласы принадлежали моей тёте. Она подлетела ко мне, чуть ли не сбивая меня с ног от радости, и повисла на моей шее. – Боже мой, какой ты красавчик! – Светлана потрепала меня за щёки, и снова обняла. – Ну, наверно от девочек, отбоя нет? А мама?! – обратилась она к моей матери.

– Привет Светлана! – сказал я, не удосужившись даже улыбнуться, за что был тут же награждён недовольным взглядом своей матери.

Будучи ещё дома, в Германии, она всячески пыталась вразумить меня, ежедневно читая нотации, вплоть до самого отъезда. Пыталась заставить меня, делать и говорить только то, в чём была абсолютно уверена сама. А я в свою очередь, не мог поступить иначе, и наплевать на её мнение, до того момента, пока по юридическим законам моей страны, не достигну совершеннолетия. И сейчас она явно испытывала некую толику стыда, за моё столь непристойное поведение, постоянно напоминая мне об этом своим нерушимым взглядом.

Полчаса спустя мы все, нашей дружной толпой ехали по автомагистрали, в большом и уютном микроавтобусе, до загородного дома моей тёти и её семьи.

Снежана молча сидела рядом со мной, опустив голову, она кажется изучала свои острые коленки, постоянно при этом поглаживая их миниатюрными пальчиками. Стоит заметить, у неё были очень изящные руки с тонкими запястьями. Густые тёмно-каштановые волосы удивительно контрастировали со светлой, фарфоровой кожей. И вроде бы простые, но правильные черты лица, привлекали своей элегантностью, какой-то неуловимой красотой.

Искоса она посмотрела на меня, и кажется поймала мой заинтересованный взгляд. Но это вряд ли могло меня тогда смутить, скорее наоборот, я сгорал от нетерпения вывести её из себя. Непонятно зачем, но я стремился завладеть её наивными эмоциями, чтобы в последствии просто поиздеваться над ней.

Снежана подняла свои симпатичные брови и слегка прикусила нижнюю губку. Ей было тринадцать, а выглядела в данный момент на все семнадцать, завораживая своей безупречностью, и явным желанием пофлиртовать.

Я взял себя в руки и попытался сосредоточиться на разговоре наших родителей, которые не смолкали ни на минуту. Отвёл свой взгляд от Снежаны, любясь мелькающим пейзажем, за окном автомобиля. И всё же краем глаза мне удалось уловить некое растерянное любопытство со стороны своей кузины. Чёрт! Что с ней не так? Почему она постоянно пялится на меня?

По сути мы являемся с ней, двоюродными братом и сестрой. Наши мамы – родные сёстры. Но в который раз я отмечаю, насколько мы с ней разные. Абсолютная противоположность, без намёка схожести во внешности. Во всём.

Я подключил наушники и погрузился в рок-музыку. Я хотел в тот момент быть подальше от всего этого, подальше от своей сестрёнки, которая непонятным образом как-то странно влияла на меня, вызывая противоречивые, запретные мысли. Моя голова готова была разлететься на части, от той семейной болтовни, которая даже через наушники, была по перепонкам, заставляя мою кровь вскипать от злости. Как бы мне не сойти сума, за эти гребенные шесть недель каторги.

И у меня вдруг в голове созрел следующий план: Я буду избегать своих родственников, общения с ними, отсиживаясь в своей комнате. А что по поводу моей сестрёнки, то ей однозначно лучше держаться подальше, если не хочет нарваться на грубость с моей стороны. Твою же мать! Это ж надо было так вляпаться! И что теперь со всем этим делать? Трясу головой, отгоняя надоедливые мысли. Самое главное терпение, – как говорит мой отчим! И мне как никогда, сейчас оно необходимо. Пять недель ведь пролетят незаметно, и я снова вернусь к своей привычной жизни.

Вот только в тот самый момент, когда я с таким упорством стремился повернуть всё вспять, я и представить не мог, что как прежде, больше никогда не будет. Моя судьба впоследствии сыграет со мной злую шутку, поставив на кон спокойную и размеренную до сего момента жизнь. И я приму эту безумную сделку, становясь её рабом, в обмен на свободу от мыслей, изо дня в день преследующих меня, но лишь до определённого момента.

ГЛАВА 2

«Но грусть моя всё так же холодна.

Мои слова пустые отраженья,

Я создаю иллюзию движенья,

Но между мной и миром есть стена.»

Даль.

(Снежана Стоцкая. Санкт-Петербург. 2005год)

Не скажу, что по жизни являюсь замкнутым человеком, но всё же одиночество – это мой козырь! Находясь в тишине, я могу настолько глубоко погрузиться в собственные фантазии и мысли, что не замечаю ничего вокруг. Жизнь на какой-то момент замедляет свой ход, даёт возможность насладиться в полной мере яркостью красок, слиянием разнообразных звуков, всех тех красот, которых ты попросту не заметишь, находясь в повседневных буднях. Но это вовсе не означает, что я законченный социопат, скорее романтик!

Родители долго не могли смириться с моим странным на их взгляд, состоянием души. Было время, когда они готовы были обсудить моё поведение, со всеми известными психологами страны. Заплатить любую сумму, лишь бы привести меня в нормальное состояние. Но как только диагноз, так и не был подтверждён, они попросту отстали от меня, списывая всё на редкую черту характера.

Но вот как уже целую неделю, я практически не получаю привычного уединения. Это становится просто каким-то наваждением. И с одной стороны мне было глубоко параллельно, так как в нашем доме было полно мест, где я могла бы уединиться и почувствовать себя снова хорошо в привычном для меня «мирке», но вот мои мысли никак не давали мне покоя. Марк был повсюду: в моих ведениях, снах. И всё это, напроочь лишало меня столь привычного комфорта, заставляло стать ещё более слабой, уязвимой чем я уже была.

Мои мысли прервал требовательный стук в дверь. Я не успела толком отреагировать, как она тут же распахнулась. На пороге стояла мама. Её лицо, как всегда, выражало высшую степень негодования. Я вздохнула и подняла на неё глаза, но тут же снова отвернулась к окну.

– Ты же понимаешь, что у нас гости? – резким тоном спрашивает она. – И почему все должны к обеду ждать только тебя? – Что с тобой сегодня, милая?

Господи, как всегда, словно из пулемётной очереди, вопрос за вопросом. Не ответив ни на один из них, я по-прежнему стою к ней спиной и наблюдаю за тем, как крупные капли дождя с шумом, падают на землю, оставляя на поверхности маленькие углубления.

– Пожалуйста, не заставляй меня повторять дважды! – Разве трудно спуститься сразу же, когда тебя зовут?

– Пять минут! Я спущусь через пять минут, хорошо? – бормочу себе под нос, сжав кулаки от безысходности.

– Я это уже слышала! – парирует мама и делает жест своими изящными пальцами, побуждая меня сдвинуться с места и пойти за ней.

Может мне стоило бы с ней поговорить? Но с чего я должна начать? И поймёт ли она меня?

Я захожу в гостиную и нахожу взглядом своего двоюродного брата. Он комфортно устроился на диване и о чём-то разговаривает с моим отцом. При виде этой сцены я замираю на пороге. Надо просто взять себя в руки и подойти к ним, только вот беда – ноги будто приросли к полу. Знаю, что должна покончить с этим, я не должна и вида подавать, что кажется запала на Марка, но логика, как всегда, дремлет, и всё ещё не даёт о себе знать. Хватаюсь за дверной косяк, на секунду теряя равновесие, и это выводит меня из транса. Наконец мой брат поднимает свои глаза и смотрит в упор на меня. И в какой-то степени, мне было даже приятно наблюдать за ошарашенным лицом Марка, в тот момент, когда он заметил меня. Он пару секунд молча смотрел в мои глаза, не моргнув.

– Снежана, ты уже здесь?! – спасает затянувшее молчание папа. – Ну что, тогда идём за стол обедать! – призывает отец, и покидает общество растерянного братика.

На протяжении всей обеденной трапезы, наши родители не прекращали болтать. Они пили вино, наслаждаясь обществом друг друга. Между нами же с Марком, как всегда, весела взаимная тишина, которая лишь изредка сменялась неловкими переглядываниями. В голове невольно возникал вопрос: Куда делись те мы, которые провели своё детство вместе? Те, кто были настолько крепко связаны между собой, словно одно целое! Мне всегда казалось, что ещё будучи несмышлёными детьми, мы воспитали друг в друге истину и знание того, что более близких людей, чем мы с ним, никогда не было и не будет. Я хорошо помню то ненавистное лето, когда мы провожали мамину сестру Ирину и Марка в Германию. Подобные воспоминания, настолько непривычны для меня сейчас. Ведь казалось прошла целая вечность с той поры. Но до сих пор, они снова и снова поглощают всё моё внимание, вырывают из реальности.

Я погружаюсь в себя, не замечая никого вокруг, лишь мельком улавливаю заразительный смех наших родителей. Тогда будучи пятилетней девочкой, я давала клятву семилетнему брату, глядя в его заплаканные глаза. «-Я тебя буду ждать! Правда! – Ты же вернёшься ко мне, через недельку, да? – шептала я ему на ушко.

Помню момент, когда в моих глазах застыли слёзы. Я часто зашмыгала носом и разревелась, уткнувшись в плечо Марка.

« – Я же люблю тебя, мелкая! – Марк сгрёб меня в охапку и крепко обнял. Настолько крепко, насколько позволяла сделать это, его детская сила. Он стирал своими шершавыми пальцами влажные дорожки от слёз на моих щеках. – Конечно! Я уговорю маму, и мы приедем через неделю к вам. – Не плачь только, моя снежинка! – задумчиво перебирая мои распущенные волосы, шептал брат.»

Так проходили дни. Недели складывались в месяцы, а месяцы в годы. Помню насколько сильно скучала по нему, не подпуская к себе и близко других детей, которые проявляли желание со мной общаться. Я не могла заполнить брешь, образовавшуюся в моей детской душе, ни прогулками с девочками подругами, ни общением с родителями. Мне не доставало моего Марка. Казалось, что я потеряла часть себя, и так и не смогла больше найти. Родители очень сильно переживали и волновались за меня. Если мама зачастую и делала вид, что ничего не замечает, считая, что вскоре я забуду и успокоюсь. То отец напротив не переставал читать нравоучения, капая тем самым своей жене на нервы. «Вот видишь, до чего всё дошло? – с некой издёвкой в голосе говорил он. – А я ведь предупреждал, что это не нормально! Они были слишком близки. Слишком много времени проводили вместе! – У нашей дочери и друзей то других нет. Всё внимание было сконцентрировано на Марке! – Видишь теперь, чем всё закончилось?!»

Тогда, когда мне приходилось тайком наблюдать за ними, и слышать от отца подобное, мне – пятилетней девочке была не совсем понятна мамина реакция, а точнее её полное отсутствие. Она почему-то всегда отмалчивалась и смотрела в одну точку, не желая противоречить мужу и спорить с ним.

А заключительной фразой отца, всегда было: «ну вот и славно! Хорошо, что твоя сестра уехала и увезла Марка с собой. А то неизвестно, во что переросла бы такая привязанность! – Одно дело, когда дети ночуют вместе в пятилетнем возрасте, другое, когда им стукнет по семнадцать!»

(Воспоминания. Снежана Стоцкая 2001 год)

Август, в то самое лето, выдался холодным и дождливым. Солнце баловало лишь изредка, слегка пригревало и вновь пряталось за покровом свинцовых туч. Радости от таких летних каникул не было и вовсе. За исключением того, что наконец спустя долгих и долгожданных четыре года, мы ждали гостей из Германии. Папы к тому времени уже не было с нами в Петербурге. Последние два года, он жил и работал в Голландии, в Российском посольстве в Амстердаме, занимая величественное кресло, посла Российской Федерации. И естественно баловал он нас своими визитами отнюдь не часто. Наша семья теперь воссоединялась исключительно только по праздникам. Оно и лучше! Ненавижу, когда он начинал контролировать всё и всех, что находится в радиусе его видимости. И Марк в данный период, однозначно был бы причиной потери его контроля.

Я была настолько взволнована в тот момент, когда мы с мамой ожидали такси, на котором и должны были подъехать к дому Ирина и Марк. Я сгорала от любопытства, пытаюсь представить, как выглядит мой брат сейчас. Ему уже одиннадцать. Из разговора мамы и её сестры, я знала, что Марк уже не тот послушный и покладистый мальчик, каким он был тогда, когда мы виделись в последний раз. Ирина неоднократно жаловалась маме, когда они болтали по телефону, что в последнее время этот «негодяй» совсем отбился от рук.

Я сидела на крылечке нашего дома и смотрела вдаль, ожидая нашей скорой встречи. И когда наконец на горизонте показалось такси, я забыла как нужно дышать. Моё лицо пылало от предвкушения чего-то нового и неизвестного мне. Я схватила своего плюшевого медведя и прижала к груди. Сердце билось так громко, что я казалось слышала каждый удар. И вроде всё было как прежде, но в то же время что-то изменилось. Изменилось внутри меня.

Воздух был прохладным и влажным, будто в любую секунду мог пойти дождь. Маленькие стрижи кружили в воздухе, опускаясь настолько низко, сбивая своим чириканьем все мои мысли. В тот момент, когда я заметила Марка, выходящего из машины, я опустила голову притворившись, что завязываю шнурки на новых кроссовках. Но на самом деле, провожая его глазами, мне хотелось запечатлеть в памяти этот момент: Его светлые волосы отросли и постоянно падали на глаза. Он выглядел как мальчик модель из глянцевого журнала. Я помню, когда Марк был маленьким, его кучерявые волосики выгорали от солнца до оттенка платины, и он терпеть не мог свои белёсые кудряшки. Мама всегда называла его «маленьким ангелочком», и он действительно был похож на него. Ещё с далека мне удалось заметить, что он был почти на две головы выше меня. Его внешность кардинально поменялась.

Мама спустилась с крыльца и побежала на встречу к своей старшей сестре и её сыну. Преодолев расстояние между ними, она сжала каждого в своих крепких объятиях. Марк отошёл в сторону, и закинул свой рюкзак на плечо. Сначала он кажется и не заметил меня, дрожащую, сотрясающую от непонятного страха, приросшую к каменным ступеням крыльца. Но спустя несколько секунд, в его глазах вспыхнул огонёк. Он слегка прищурил глаза, чтобы лучше разглядеть меня. У меня перехватило дыхание, и я почувствовала, что начинаю краснеть, от его столь оценивающего взгляда.

– Привет сестрище! – крикнул он, подойдя ближе.

Он улыбнулся, и эта улыбка поразила меня тогда в самое сердце. С тех пор она, каждый раз проделывала со мной необъяснимые вещи.

– Ты уже слишком взрослая для этого! – Марк выхватил из моих рук плюшевую игрушку и отбросил в сторону.

Я напряглась, ожидая следующего подвоха, не сводя с него рассерженного взгляда, понимая тот факт, что до сих пор не произнесла ни слова.

– Похоже, у нас снова проблемы, да Марк? – к нам приблизилась Ирина, и с сожалением посмотрела в мою сторону. – Иди ко мне маленькая принцесса! – И не обращай внимания на брата!

Мамина сестра подошла ко мне и крепко обняла. – Как ты выросла, снежинка! Уже совсем большая девочка! – проговорила она, расцеловывая мои щёки.

– Ага! Значит мне всё-таки показалось, – ляпнул Марк. – Она по-прежнему маленькая плакса! – склоняя голову на бок, с ехидством произнёс он.

– Ты не должен так разговаривать с сестрой! – Голос Ирины, слегка дрогнув и она посмотрела на маму, пожимая плечами.

– Снежана, доченька! Пообщайтесь с Марком. Я уверена, вы найдёте общий язык! А это недоразумение, лишь от того, что вы давно друг друга не видели! – прошептала мама.

После того, как наши мамы зашли в дом, наше молчание не продлилось долго.

– Мы привезли тебе в подарок куклу барби! – Марк присел на корточки и поднял с земли тонкую веточку от дерева. – Но я кажется передумал, отдавать тебе этот подарок! – Он снова прищурился, а потом кинул в меня ветку, которую крутил в руках. – Увезу его обратно, и подарю своей подружке! – Не прекращал издеваться он.

– Лучше заberi себе, и сам с ней поиграй! – наконец выдавила я из себя. Мне стало грустно, и я наморщила брови, пытаюсь расплакаться!

Перед тем как зайти в дом, я посмотрела на брата. Уголки его губ были опущены, он вероятно не ожидал ответного «удара» в виде той реплики, что я бросила ему. Он сжал челюсти, и я успела заметить, как его подбородок слегка дёрнулся, вероятно он уже разрабатывал новый план мести, желая, как можно больнее ужалить, унижить меня.

Я неслышно прошмыгнула к лестнице, заметив, что мама и Ирина заняты приготовлением праздничного стола. Они так мило щебетали друг с другом, и мне вовсе не хотелось нарушать их столь приятную идиллию, жалуясь на паршивое поведение Марка. Я плюхнулась на кровать в своей комнате, и уткнувшись в подушку, приглушённо заплакала, выплёскивая всю обиду и злость на двоюродного брата. Одиночество остро кольнуло в груди, дало понять, что как прежде больше не будет. Наше весёлое детство осталось в далёком прошлом, а в настоящем, мы теперь чужие друг другу люди. Было только не совсем понятно, когда мы успели потерять наши, казалось настолько крепкие и нерушимые отношения? Где те чувства, которыми были переполнены наши маленькие сердца? А теперь что? Остаётся только согласиться с этой нелепой судьбой, и делать вид, что всё в порядке. Ведь так или иначе нельзя повернуть время вспять, и задержаться там, в том отрезке времени, где были мы когда-то друг у друга.

ГЛАВА 3

(Марк Сорин. Берлин 2005 год)

Увидев знакомое лицо в толпе, я полностью проигнорировал маму, она в тот момент продолжала говорить о моей совести, а точнее об отсутствии её у меня, и направился к Кристиану, который встречал нас в Берлинском аэропорту «Шенефельд». Наш полёт задержали на три часа, и это порядком раздражало, как и большинство других вещей, случившихся за последние часы нашего перелёта из Петербурга в Берлин. Мать никак не могла успокоиться, что я так и не смог оправдать её надежд за эти несчастные пять недель каникул, которые мы провели с ней в России. И если уж быть до конца откровенным, то я и сам не понимал, что на меня нашло. И почему я вёл себя с сестрой как полный придурок.

Я вспомнил сегодняшнее раннее утро, когда Светлана и Снежана провожали нас на наш рейс в Аэропорту Санкт-Петербурга, и сердце снова учащённо забилося у меня в груди. Снежана смотрела нам в след печальными глазами, не разу не моргнув, словно застывшая на месте статуя. Её фарфоровая кожа переливалась в лучах утреннего солнца, а пухлые розовые губки были слегка приоткрыты. В тот момент она была похожа на прекрасную, лесную фею, завораживая и околдовывая своей не схожей, с другими, красотой. Всё то время, пока мы гостили у тёти, я вёл себя отвратительно, и даже не берусь отрицать этого. Изначально я не планировал играть роль некоего засранца, но ничего не мог с собой поделать. Мне стоило просто-напросто игнорировать её, как это делала она. Но, чёрт возьми, я не мог перестать её провоцировать. Это была какая-то зависимость. И даже тогда, когда однажды я увидел её в чертовски красивом платье, сказал, что оно похоже на мешок. И к моему удивлению, она просто молча удалилась. А чуть позже я увидел её совсем в другом одеянии. На ней были надеты узкие джинсы, которые демонстрировали все прелести её обалденной фигурки, и маечка с логотипом „NIKE“, на груди. Наши взгляды встретились в равном поединке, пока мы молча изучали друг друга. Её каштановые волосы в тот момент развевались от ветра, а взгляд зелёных глаз, в которых бушевала нешуточная буря, пронзал меня насквозь, словно пытался наказать за мой язык. Я заметил она вся дрожала, и жутко нервничала. Эмоции бушевали через края на её упрямом маленьком личике. Она естественно была оскорблена, тем не менее, всё равно дала мне отпор, продемонстрировав свой непростой характер.

Я с силой сжал кулаки, цепenea при мысли, как сильно мне будет не хватать сестры. Теперь у меня больше нет возможности поиздеваться над ней. Осознав всё это, я напряг челюсть так сильно, что она заболела. И всё же, постарался придать своему лицу вновь привычное, снисходительное выражение, когда приблизился к отчиму.

– Привет Марк! Я соскучился по тебе, сынок! – казалось в тот момент он действительно был искренен со мной. Кристиан бросил взгляд мне за спину, выглядывая маму и крепко обнял меня. Я сделал то же самое в ответ, но тут же ретировался в сторону, уступая место соскучившейся по нему супруге, и направился к багажной ленте, чтобы забрать наши чемоданы.

– Н, да! Судя по вашему настроению, – сделав выводы, проговорил Кристиан. – Отпуск прошёл не в лучшем виде! – Да Марк? – я прав?! – Он постоянно пытался вывести меня на откровенный разговор, пока мы ехали до нашего дома.

– И ты даже не можешь себе представить, насколько! Но я сама разберусь с сыном, милый! – ответила ему мама, поёрзав на сиденье. После, она тяжело вздохнула и положила свою ладонь на колено мужу. Отчим сжал её руку, и повернув к ней голову, нежно улыбнулся.

– Дорогая не расстраивайся! У Марка сейчас просто такой возраст. Эта затея, брать его с собой в Россию, была изначально не самой лучшей! – И я тебе говорил об этом! Как только приедем домой, мы поговорим о его поведении, – Да ведь Марк? – не прекращал сдаваться Кристиан. Весь этот бессмысленный разговор заставлял мою кровь вскипать. Чёрт бы их всех побрал. Я тяжело вздохнул и вставил в уши наушники. Просто замечательно! Теперь мы будем обсуждать ещё и моё поведение, которое снова стало для них проблемой.

Я поймал хмурое выражение лица своего отчима в зеркале заднего вида, и отвернулся к окну. Никто больше не сказал ни слова, пока мы ехали до дома. Кристиан продолжал сжимать руку моей матери, напевая ей серенады о том, как он истосковался за эти пять недель, а я погрузился в мелодии тяжёлого рока, лишь бы быть подальше от всего этого.

Быстро влетев в свою комнату, я кинул свой рюкзак возле двери. Достал сотовый телефон из кармана джинсов, и начал набирать сообщение своему лучшему другу Тому. Я нуждался в немедленном отчёте, того, что могло произойти, за то время пока я отсутствовал. И был уверен, что ему есть чем поделиться со мной.

После душа натянув на себя чистые джинсы и футболку, я бухнулся на кровать и стал изучать потолок. Снизу раздавался мамин смех вперемешку с комплиментами отчима, и я был уверен, что на сегодня наше семейное полит собрание откладывается. Сегодня никто из них, меня уж точно не потревожит. Я прикрыл глаза и мой разум вновь посетили ведения, в роли моей сестры. Мысли, которые крутились в голове, выворачивая наизнанку мою душу, были через чур неправильными и опасными. Непонятный страх поселился в моём подсознании. Я прекрасно понимал тот факт, что следующая наша встреча произойдёт не завтра, и даже не через месяц. Когда теперь мы сможем увидеться вновь? Стало больно от осознания той истины, что я не смогу видеть её каждый день, слышать её голос. У неё начнётся своя жизнь, в которой мне не останется места. Она будет проживать день за днём, не думая больше обо мне, пойдёт на свидание с тем, кто проявит к ней больший интерес. А позже, с ним же, познает первую любовь, он будет её первым мужчиной и когда-нибудь она подарит ему сына или может быть дочь. И теперь здесь, без неё, всё стало каким-то неуютным. Мой дом, город в котором я живу, но спасала лишь мысль, что через пару дней начнётся новый учебный год, и возможно это отвлечёт меня.

Мои мысли прервал телефонный звонок, растерянно вздрогнув я всё же ответил Тому.

– Эй, дружище! – заорал он настолько громко, что мне пришлось на секунду убрать сотовый от уха. – Надеюсь, ты готов к вечеринке, у меня в доме, сегодня вечером? – Нам надо успеть оторваться вместе, до начала учебного года! Как считаешь приятель?

– Всё ещё хочешь устроить тусовку у себя дома? Где родители? – удивлённо спрашиваю. – Что, прошлого раза не хватило? Сгораешь от нетерпения, повторить вечеринку у бассейна? – язвлю я.

– Нам обязательно сейчас это обсуждать? Каникулы брат заканчиваются! Сам то не против повторить, а? – Признаться честно, я ещё не отошёл от последней тусовки, которую мы устраивали пару месяцев назад у Тома. То количество алкоголя, в котором мы пытались утонуть, до сих пор вызывает отвращение и головную боль. А позже, суровое выражение лица моей матери, которой пришлось забирать меня среди ночи, из полицейского участка. Но разве, не все подростки проходят через это?

– Так что давай не отлынивай! Сегодня вечером жду тебя у себя дома! – И ещё! – Будет лучше, если отпросишься с ночёвкой!

– Я смотрю, ты за меня уже всё решил? – буркнул я. – Вот только у меня к тебе небольшая просьба, Том! – В этот раз никаких блондинок! Идёт? – Только брюнетки! По крайней мере для меня!

Том издал громкий смешок, который больше походил на вопли динозавра. – Чёрт! Не узнаю тебя! Ты же ненавидел брюнеток! После отпуска тебя будто подменили! Расскажешь, что там произошло? – заорал в трубку друг. – Короче, я отключаюсь. До вечера, брат!

Прямо сейчас мне было глубоко наплевать, что подумал Том. Я знал, что он будет приставать ко мне с назойливыми вопросами, но совсем другое дело, получит ли он ответы. Я вздохнул и приподнялся с кровати на шум от открывающейся двери. На пороге стояла мама с кухонным полотенцем в руках. – Марк, ужин готов. Спускайся! – А позже тебя ожидает серьёзный разговор.

– А позже, у меня дела, мам! Я соскучился по своим друзьям!

– Только после того, как обсудим твоё поведение, милый друг! – Она, как всегда, не говорила. Приказывала.

– Мам не настаивай. Ты и сама знаешь, что это бесполезно! Во мне играют подростковые гормоны, которые нужно умирять.

Я заметил, она уже начинала вскипать от злости, но так или иначе, этот разговор, как и предыдущие, бесполезен. Она, как всегда, сдастся первой. Мы уже проходили это много раз.

– Ты дождёшься, что Кристиан займётся скоро твоими так сказать гормонами! И посмотрим, что из этого выйдет.

– Мам, вот только не угрожай, ладно! – Я встал с кровати и подошёл к ней. – Ты вроде как пришла позвать меня, ужинать? – положив руку ей на плечо, поинтересовался я. – Так пойдём! Зачем заставлять, Кристиана ждать?

– Ты маленький манипулятор. – Она сбросила мою ладонь со своего плеча и вышла из моей комнаты.

В тот момент, я не видел выражение её лица, зато прекрасно знал, что она больше не злится, давая тем самым понять, что мне дан зелёный свет.

Следующие несколько месяцев, больше походили на необдуманный прыжок без парашюта, всё сильнее затягивая в рутину безысходности, лишая мои лёгкие кислорода.

Жизнь пошла своим чередом: Школа, дом, друзья, недовольные родители, готовые в любой момент сдать тебя в руки психологов, дабы те, смогли бы вдолбить, «что такое хорошо, а что такое плохо».

Я выглядел всё чаще раздражённым и озлобленным. Постоянно норовил нарваться на неприятности, влезть в сумасшедшие драки без повода. Опоздания и прогулы школы, казалось вошли у меня в привычку. Большинство бывших друзей и одноклассников, предпочитали теперь держаться от меня подальше. Но самое главное, я начал замечать, что, ведя подобный образ жизни, моё сердце больше не страдало, а разум наотрез отказывался впускать образ Снежаны в мои мысли. Роль плохого мальчика, глубоко засела теперь во мне, искореня последние остатки светлой стороны, моей души.

За несколько дней до моего шестнадцатилетия, я поехал в тату салон и сделал себе наколку. Мне ещё не было восемнадцати, поэтому по законам, я не имел права делать татуировку без согласия родителей. И нам с Томом пришлось провернуть кое-какие махинации. Мы заплатили хорошую сумму продавцу одного из местных киосков, где мы в последнее время, опять же незаконно покупали сигареты, а он в свою очередь любезно согласился нам помочь. Мы приехали в салон, где Стефан подписал нужные бумаги, играя в тот момент роль моего отца.

Вот так и появилось, на левой стороне моей грудной клетки, непонятное для многих тогда, замысловатое выражение: «Snowflake forever». (снежинка навсегда)

– Чёрт! Что с тобой не так мужик?! – Спросил Том, рассматривая надпись на том месте, где билось моё сердце. – Ты рехнулся, что ли? Начинаешь потихоньку впадать в маразм! – Это же какая-то девчачья надпись!

– Заткнись, Том! Тебе не всё ли равно? – Я вытащил портмоне из кармана джинсов, чтобы оплатить работу мастера. – Это искусство, малыш, тебе этого не понять! – взяв сдачу, я отправился на выход из студии, и закурил очередную сигарету.

– Snowflake forever! – Том повторял слова, словно мантру. – Дерьмо, и всё-таки я не пойму, к чему всё это? – не сдавался упрямый друг.

– Ты пытаешься заучить наизусть что ли? – рассмеялся я, ударив его в плечо.

– Нет, просто пытаюсь понять к чему вся эта лажа?!

Татуировка предназначалась исключительно для меня, и я не собирался обсуждать её даже с моим лучшим другом. Я посмотрел на еле заметные капельки крови, выступившие на слове «снежинка», и обтёр это место тыльной стороной ладони. У меня зазвонил телефон, но посмотрев на экран где высветилось слово «мама», я отключил звук и положил трубку обратно в карман. Перезвоню, как всегда, позже. Я улыбнулся, представив реакцию своей матери и отчима, когда они заметят татуировку, сделанную тайком от них, но тут же отмёл эту мысль в сторону. Нужно будет просто какое-то время не появляться с голым торсом у них на глазах, подумал я. Ну а спустя пару лет, мне уже никто не сможет что-то предъявить.

– Снова звонили со школы! Ты опять не был на занятиях? – Стиснув зубы, я облокотился на оконный подоконник в своей комнате, принимая на себя очередную вспышку маминого гнева.

– Я больше не стану идти у тебя на поводу и решать твои проблемы! – Ты идёшь на дно! – заорала она, как никогда громко. – Ты хоть сам понимаешь, чем всё может закончиться? – Сегодня ты пропускаешь занятия в школе, дерёшься с какими-то отморозками, а что будет завтра? – Алкоголь, наркотики. И всё, ты пропащий человек! – Её слова буквально повисали в воздухе, заполняя всё пространство моей комнаты. Она была права, как не крути, но чёрт возьми, я не хотел смотреть правде в глаза! Я и сам понимал, что с каждым днём я всё глубже вязну в болоте греха и беспредела. Пару месяцев назад я начал встречаться с девчонкой из параллельного класса, с надеждой, что хоть она сможет приструнить меня, поможет взяться за ум. Но этого так и не случилось. После того, как я лишил её девственности, она мне стала не интересна. Может просто потому, что она не была брюнеткой с зелёными глазами? Всё казалось каким-то не таким. Я вроде и был голоден, но не мог есть. Мне хотелось смеяться и радоваться жизни, но я не мог найти повода для этого. Все привычные развлечения и тусовки с друзьями осточертели напрочь, но я не мог отказаться от них, так как это стало уже привычным укладом моей жизни. Меня словно замуровали в чёртовом бункере, лишая кислорода. У меня было всё, чего я хотел, только не было свежего воздуха. Я сам себе стал казаться каким-то запущенным и безжизненным. Готов был лезть на стену от безысходности, толком не понимая, что творится с моей душой.

ГЛАВА 4

(Снежана Стоцкая. Санкт-Петербург 2007 год)

Два года спустя.

Как же всё-таки трудно быть взрослой. Быть брошенной в огромном мире, бороться в одиночку с собой и потерей контроля над гормонами. Почему-то моя мать всегда избегала открытых разговоров, на тему секса, а обсуждать подобные вещи с отцом, было тоже не особо комфортно. Вероятно, моя мать надеялась на то, что я навсегда останусь послушной девочкой, с легко управляемым и покладистым характером. Она всегда хотела видеть меня безупречной во всём: моя одежда должна была быть безупречной, слова, которые я должна подбирать при разговоре с ней – тоже должны быть безупречными! И даже друзей, я должна была выбирать по той же самой отработанной схеме, дабы не лишиться того идеального образа, в который меня замуровали мои собственные родители.

– Милая, спускайся! – Ты снова опоздаешь в школу! – я слышу мамин голос, прорывающийся сквозь громкие басы рок-группы «токио хотел». Я стою в ванной комнате напротив зеркала, и пытаюсь в который раз нарисовать ровную линию на верхнем веке. Музыка орёт из колонок настолько громко, что я кажется ощущаю лёгкую вибрацию, стоя на полу. Моя подводка категорически отказывается повиноваться. Сегодня явно ни мой день. Была бы моя воля, я наплевала бы на школу и осталась в своей уютной кровати, где провалялась наверняка бы целый день.

– Снежана! Ну сколько можно! – Такими темпами, я и сама опоздаю на работу, по твоей вине. – Чёрт! Как бы я хотела проигнорировать сейчас её, но это не приведёт ни к чему хорошему. Возможно снова к очередному скандалу, что уже не редкость в последнее время. А затем, как всегда, в последовательности: головная боль и принятие успокоительных капель. С тех пор как папа покинул нас и уехал работать в Голландию, моя мать в полном смысле этого слова стала законченным параноиком. И когда она так сказать на взводе, я естественно тоже должна мучиться вместе с ней, разделять её паршивое настроение, попадая под волну гнева.

– Я буду готова через пять минут! – распахнув дверь ванной комнаты, кричу маме в ответ. – Дай мне ещё пять минут! – Как же она любит выводить меня из себя, в особенности по утрам.

Спустя пару минут, мне всё-таки удаётся подвести глаза, накрасить губы любимой красной помадой и нацепить на себя то, что явно придется не по вкусу моей матери.

– Ты ужасно выглядишь! – стиснув зубы от злости шипит она. Чему я совсем не удивлена.

– По-твоему, ходить в школу в кожаных коротких шортах, и кофточке, которая едва прикрывает твой живот, – это нормально?! – Мама стоит внизу у подножия мраморной лестницы, как всегда, оценивая мой внешний вид.

– Ага, и тебе доброе утро, мамочка! – отвечаю я, прохожу мимо, полностью игнорируя её и выхожу на улицу.

– Ты не выноси́ма! – кричит мне в след. И тут слышу сильный хлопок двери, который она явно продемонстрировала для того, чтобы задеть меня.

Школа, как всегда, встречает привычным гулом. Вокруг снуют ученики, кто-то приветливо улыбается, некоторые встречают друг друга с полным равнодушием. И как всегда у меня внутри зарождается желание сбежать отсюда куда подальше. Улавливаю на себе очередной заинтересованный взгляд своего одноклассника Стаса Миронова, и не успев отреагировать, замечаю, как он плетётся в мою сторону.

– Привет красавица! Что такая задумчивая уже с утра? – Он подходит ближе и пытается коснуться моей руки.

– Я вообще-то не тебя жду! – даю, как всегда, понять, что его общество меня раздражает.

– И это я уже понял, конечно не меня, – Стас смотрит своими карими глазами, в надежде, на то, что сегодня я буду более любезной с ним.

Пожимаю плечами, избегая дальнейшего разговора и отхожу в сторону.

– Я хотел кое-что спросить, снежинка!

– Чёрт! Не называй меня так, понял! – Его упрямое желание добиться своего вызывает всплеск гнева, приправленный злостью. Терпеть не могу, когда кто-то пытается что-то навязать. Особенно, если уже получал неоднократный отказ.

– Я не заинтересована, Стас! Нам нечего обсуждать! – повторяю уже в сотый раз, стараясь отыскать взглядом свою подругу Милу.

– Я подожду! Я упрямый, – парирует он.

– И очень глупо с твоей стороны, Стас. – усмехаюсь в ответ и показываю ему средний палец, ни капли не сожалея об этом.

– Снежинка! – Оборачиваюсь на знакомый, и родной голос. Облегчённо улыбаюсь. Смотрю как подруга вальяжно двигается в моём направлении.

– Увидимся позже, снежинка! – Провожу Стаса равнодушным взглядом. Вот же упрямый, засранец!

– Эй! Привет красота! – Мила подлетает чуть ли не сбивая меня с ног, – Что опять в любви признавался? – указывая в спину нашему однокласснику, интересуется подруга.

– Пошли, – тяну её в сторону кабинета химии. – Знаешь, он меня уже достал! Сколько можно?

– А может это любовь?! – выдаёт с издёвкой.

– Ага, морковь! – поражаюсь её способности, подпортить вовремя настроение. Чертовка.

– Думаю, он действительно запал на тебя! И кстати приглядиись, он так ничего! – подмигивает Мила.

– Ну да! Мир знаешь ли жесток! – подняв глаза в потолок, протягиваю я. – «Мы любим тех, кто нас не любит! И губим тех, кто любит нас!» – иронично парирую, еле сдерживая свою улыбку.

– Философ ты мой! – смеётся в ответ Мила, подмигивая мне.

– И когда ты только выкинешь своего тупого братца из своей головушки? – Подвисаю на секунду, после её слов, стараясь моментально сообразить, что должна после всего этого ей ответить. Сколько раз уже пожалела об этом. И зачем только открыла ей когда-то свою душу, свою тайну, поделилась тем, о чём ни одна живая душа по сути, не должна была знать.

– Ну что застыла! Всё забудь, пойдём! – Звонок уже прозвенел. Нам пора на урок, снежинка! – тянет меня в класс моя сумасшедшая подруга.

Учитель химии, приподнимает брови, сканируя недовольным взглядом наши лица. – Снова опаздываем? – Не путайте школьные уроки, с уроками танцев! – с ухмылкой выдаёт он, отчего весь класс заливается в громком смехе. – Проходите, танцовщицы!

– Козёл старый! – приглушённым шёпотом выдаёт Милка.

-Мила, закрой рот, пока он нас не вышвырнул!

– Всё будет в порядке, вот увидишь! – Мила опустила руку под парту, и похлопала меня по ноге. – Ты забудешь его! Нужно просто посмотреть вокруг, ты слышишь меня? – Её уверенный тон ни на грамм не ослабил напряжение в моей груди. Отбросив её руку со своего колена, я развернулась и посмотрела на подругу убийственным взглядом. Чёрт! Кто дал ей право, ворошить моё прошлое? Почему именно сейчас, она вновь решила напомнить мне о том, что давно ушло, скрылось в небытие. Забылось и стёрлось напрочь из памяти.

– Ты что творишь? – прошипела я со злостью в голосе. – Какого чёрта, ты вспомнила о нём?

– Тише, успокойся! Мне не всё равно, ты моя лучшая подруга. И я представь, переживаю за тебя! – прошептала Мила.

– Вы случайно не перепутали заведение? Вы всё ещё находитесь в школе, на уроке химии, а не на базаре! – Доносится до нас заносчивый голос учителя.

– Анатолий Дмитриевич! – вмешивается растерянная подруга. – Мы уже успокоились. Извините, мы больше не будем разговаривать!

– Я очень на это надеюсь! – И кстати, Стоцкая, – на этот раз он обращается ко мне лично, – Ты можешь повторить, вот прямо сейчас, о чём мы говорили, только что? Надеюсь ты запомнила тему?

– Я прочитала её несколько секунд назад, на доске, за вашей спиной! – язвлю я, чувствуя, как Мила пинает меня своей ногой под партой. А весь наш класс тем временем, заливается в громком хохоте.

– Ну что же остроумно Снежана Стоцкая! И, как всегда, предсказуемо. Вот только у меня к вам небольшая просьба! Запишите на листке бумаги, номера телефонов ваших родителей! Думаю, мне пора бы с ними пообщаться, что касается вашего поведения на моих уроках.

– Вы считаете, это спасёт положение? – не успокаиваюсь я.

– А это мы посмотрим Стоцкая! – Взгляд на морщинистом лице темнеет от злости, когда, сдвинув густые брови, учитель с раздражением смотрит на меня.

– Вот ты сумасшедшая! Он ведь точно сделает это! Позвонит твоим родителям. – не унималась Мила. – Скоро заканчивается четверть. И нам, я уверена, уже даже не стоит ожидать высоких балов по его предмету.

– От части, здесь есть и твоя вина! – Сделав глубокий вдох, я медленно выдохнула. – Твои заявления, просто выбели меня из колеи. И не думаю, что меня четвертуют дома, за плохое поведение в школе! Они уже привыкли к моим сюрпризам. – А что касается высоких балов, – с гордо поднятой головой прошествовала я, – Мне эта чёртова химия, вообще не пригодится в будущем при поступлении на факультет иностранных языков.

– Что всё-таки папочка настаивает, чтобы ты шла по его стопам? Факультет иностранных языков, и всё такое! – мечтательным голосом пробурчала подруга.

– Я ещё не определилась точно, на какое отделение поступать! – У нас в запасе ещё год!

– Кстати, клёвые шортики, – меняет резко тему Мила, разглядывая мои кожаные шорты. – Нужно будет как-нибудь одолжить их у тебя!

– Они не нравятся моей матери. Она их жутко ненавидит. – Говорит, что выгляжу в них, как девочка лёгкого поведения! – со смехом копирую слова своей мамы. – Однако у моего папочки, иное мнение по поводу винтажного стиля! – парирую я. – Это его подарок, кстати. Прислал мне в посылке, из Амстердама.

Мы подходим к моему дому, и я замечаю у ворот припаркованную BMW своей матери.

– Чёрт! Почему она так рано дома? – возмущаюсь вслух.

– Мы так не договаривались! Твоя мама уже дома? – заверещала Мила. – По-моему эта плохая идея, идти к тебе в гости. Только не сейчас, когда твоя мать там!

– Ладно не переживай ты так! – Я похлопала подругу по плечу.

– Чёрт! Выходит, я проводила тебя до самого крыльца, и теперь должна в одиночестве тащиться назад к себе домой? – Ты что не могла предупредить? – не унималась разгневанная Мила.

– Ладно, всё давай! – я обняла подругу на прощанье и поцеловала в холодную щёчку. – Говорю же тебе, я и сама была не в курсе! – И знаешь, что ещё, – я обернулась и посмотрела в сторону дома. – У меня не очень хорошие предчувствия.

– Ну что же, тогда желаю только удачи! – Позвони мне позже, хорошо?

– Ага, договорились!

Я раздражённо вытащила из сумки ключи, и подошла к двери, открыв её, я прошла внутрь. Войдя в огромное помещение кухни, я сразу же заметила свою мать. Улыбнувшись, налила себе апельсинового сока и уселась, напротив неё. У меня не остаётся сомнений в том, с чего начнётся наш разговор. Мама заинтересованно смотрит на меня, вопросительно приподняв бровь. Её любимый жест, который я любила копировать в детстве. Спустя пару секунд её натянутая улыбка потухает, сменяясь настороженностью. В глазах появляется привычный холодок. Может мне всё-таки нужно было незаметно проскользнуть в свою комнату?

– Вот скажи мне, куда так бесследно исчезла та девочка, которую я знала буквально каких-то пару лет назад? – Её голосом можно застудить Африку, настолько он показался мне ледяным.

– О чём ты? Не хочешь поставить меня в известность, прежде чем мы продолжим, мам?

– О чём я? – переспрашивает она. – О твоём поведении естественно! И о твоей дерзости!

Смерив мать равнодушным взглядом, беру в руки стакан с недопитым соком, и гордо поднимаюсь со стула.

– Куда это ты собралась? Мы ещё не поговорили!

– Не хочешь поделиться тем, что произошло сегодня в школе? – её взгляд фокусируется на мне, пытаюсь запугать, вывести на чистую воду. Я вижу её насквозь, и вот прямо сейчас, я уверена она изменит тему нашего разговора и начнёт говорить вовсе не о школе, а о том, какой я стала: невоспитанной и неуправляемой. В отличие от той какой я была раньше. Той другой, я нравилась им больше, забитой и вечно плачущей девчушкой, не имеющей своего мнения, и постоянно выполняющей чьи-то приказы.

Она хватает меня за руку, останавливая. – И дело вовсе не в сегодняшнем звонке твоего учителя по химии, – со злостью выдаёт она. – Ты в последнее время стала невыносимой! И мне, в отличие от твоего отца, приходится терпеть всё это ежедневно!

– Ох! Пожалуйста, сделай милость, – со смешком говорю я, подготавливая себя к удару, – Если хочешь наорать на меня, делай это прямо сейчас! Так как у меня нет времени, на бесполезные разговоры!

Мой взгляд падает на совместную фотографию в рамочке, она всегда стоит на кухонном подоконнике. На ней мы с Марком. Нас фотографировал мой отец, когда Марк и Ирина гостили у нас два года назад. Всегда избегала это фото, боясь даже посмотреть в сторону окна. Годы порознь меняют людей. Расстояние извращает нежные чувства в сердце. Интересно, каким он стал сейчас? Чем дышит, как живёт? Помнит ли меня вообще? Я всегда намеренно избегала разговоров с ним по скайпу, когда мама и Ирина болтали часами. Сестра моей матери часто упоминала в разговоре, о Марке. О том, как он учится в школе, а его мечтах. И даже о том, что у него появилась наконец-то постоянная девушка.

Мне страшно и чертовски не приятно думать об этом, но я заставляю себя принять тот факт, что рано или поздно, это должно было случиться. Мы по-прежнему остаёмся двоюродными братом и сестрой, шепчу мысленно себе. Каждый гребанный день напоминаю себе об этом, начиная с того момента, когда поймала себя на запретной мысли, что имею к нему чувства. И каждый день эта правда разбивает мне сердце, разрывая его на мириады маленьких частиц.

У меня снова застрял ком в горле, отчего было трудно глотать, больно дышать. Это уже слишком. Внутри снова всё взрывается. Душа томится, и просится наружу, ища выход, лишь бы больше не быть заточённой в литой оболочки моего тела.

– Зачем она там стоит? – удивляюсь своему сиплому голосу, а точнее почти отсутствием его, указывая на фото в рамке.

Я перевожу взгляд на маму, чувствуя, как пылают мои щёки от её пристального взгляда. От навернувшихся слёз перед глазами всё расплывается, я чувствую, что вот-вот разрыдаюсь. Вот она я, вернулась! Та, которую ты мама, давно потеряла!

– Разве мы говорили об этом? – мама кидает на меня слегка удивлённый взгляд, и тут же показывает рукой в сторону фотографии.

– Мне нужно готовиться к контрольной работе, завтра! – я резко меняю тему. Вскрываю со стула и быстрым шагом преодолеваю расстояние до двери.

– Снежана! Постой, – кричит мама. – Я не сказала главного! – добавляет она.

– Сегодня я разговаривала с папой. Он собирается приехать!

– Я рада! Что-то ещё?

ты можешь хотя бы выслушать меня, оставаясь при этом спокойной?! – снова взрывается в бешенстве. – Знаешь ли я не собираюсь бегать за тобой, и постоянно уговаривать.

– Что ещё мама?

– Ирина, она давно уже зовёт нас в гости, к ним в Германию. – более спокойно сообщает она. – И вот мы решили, поехать к ним в гости, когда у тебя начнутся летние каникулы.

– Кто это мы? – переспрашиваю, делая при этом умный вид, хотя прекрасно поняла кого она, имела ввиду.

– Я, и твой отец! – рывкает она, сменив снова милость на гнев.

– А чем я могу помочь? – со стервозностью в голосе спросила я, прекрасно понимая каков будет ответ.

– А от тебя, милая моя! – с неким ехидством выдала мама, – Требуется лишь твоё присутствие! – И это не обсуждается! Ты едешь с нами! А теперь, коли тебе так противно моё примитивное общество, иди наверх в свою комнату.

Возможно многие бы дети мечтали о таких родителях, как у меня. Было всего-то ничего несколько простых правил, которым они просили следовать меня: уважать мнение старших, учиться хорошо в школе, дабы позже оправдать их мечты, и научиться решать свои проблемы самостоятельно. И раньше пару лет назад, когда я следовала подобному распорядку, в нашей семье было всё на ура. Родители мне доверяли. Но как только мне стоило показать им свои «зубки», и утратить их доверие, я потеряла свободу.

И сейчас сидя на своей кровати, в собственной комнате, скрестив ноги, я радовалась возможности снова оказаться наедине со своими мыслями. Всё это время, а именно последние два года, я боролась с желанием спросить у мамы о своём двоюродном брате. Вопреки тому, как он повёл себя со мной, в последнюю нашу встречу. В глубине души я до сих пор тосковала по тому мальчику, с мыслями о котором, будучи маленькой девочкой, я просыпалась каждое утро и засыпала каждую ночь. Когда-то мы действительно были неразлучны. Но того Марка давно уже нет! Его место занял презиравший меня, непонятно по какой причине, мрачный и злобный подросток.

Я встала с кровати и подошла к окну, распахнув его. Надвигалась гроза, небо было плотно затянуто тяжёлыми, чёрными тучами. Мощный поток прохладного воздуха нежно обдал мою обнажённую кожу. Облокотившись на подоконник, я посмотрела вниз, и замерла, увидев Стаса, стоящего прямо под моим окном. Чёртов Ромео! Что он забыл здесь, в такое позднее время?

– Эй! Ты что сумасшедший? – Ты что там стоишь?

– Тебя жду! – крикнул одноклассник.

– Не могу поверить, Стас! У тебя всё в порядке с головой? – Скоро начнётся гроза. Ты должен уходить!

– Я никому ничего не должен красавица! – А здесь, я бываю почти каждый день!

– Ты что за мной наблюдаешь? Ты долбаный маньяк, Стас!

– Если не хочешь, чтобы я промок под дождём, пусти меня к себе. – крикнул он, и кинул в меня маленьким камушком.

– Ты сдурел, что ли? Может тебя ещё переночевать здесь оставить?

– Ну было бы не плохо, красавица! И всё-таки не думаю, что сегодня буду удостоен такой чести! – сказал он более приглушённым голосом. Может боялся, что его заметит моя мама.

– Так тыпустишь меня? Или мне стоять здесь всю ночь?

– С какой такой радости, я должна это сделать?

– Просто сделай это, и всё!

– Стас у тебя нет шансов, просто прими это как должное! – крикнув свою последнюю реплику, я захлопнула окно и задёрнула плотные жалюзи. Пару минут спустя я заметила одноклассника, покидающего территорию нашего двора. Провожая его глазами, я зачем-то вспомнила слова подруги: (Думаю, он запал на тебя! Приглядиись, а он так-то ничего! Красивый!)

А ещё через несколько минут, небо озарили раскаты грома и пошёл сильный дождь. Мне вдруг стало отчего-то не по себе. Может я должна была запустить его в дом, и дать возможность переждать ливень здесь внутри. Но я была так же уверена в том, что позже этот жест он наверняка бы расценил, как намёк на отношения и взаимные чувства, которых он так долго уже добивается. И в этом, так или иначе, я была вынуждена ему отказать.

– Я не могу поехать с ними в Германию, – прошептала я, сжимая пластиковый стаканчик из-под сока в руке. – Ты даже представить себе не можешь, насколько это будет трудно сделать! Каждый день видеть его с другой. – Сегодня мы с Милой решили прогулять урок английского языка, и в данный момент отсиживались в женском туалете на первом этаже школы.

– Эй! Ты сильная. Я верю в тебя, снежинка! -успокаивала меня подруга, – Ты просто не должна будешь поддаваться на его идиотские провокации, вот и всё! – настаивала Мила. В ней определённо имеется внутренний стержень, чего нет у меня.

– Не позволяй ему одержать победу над тобой, поняла? – И вообще с чего ты вдруг решила, что твой брат станет вести себя с тобой как засранец? – Прошло два года, с вашей

последней встречи. Я уверена, он изменился! Может он даже и не заметит тебя, и не станет уделять тебе внимания, вообще!

– Вот этого я и боюсь! – услышав мои последние слова, Мила передёрнула плечами, и с некой настороженностью посмотрела на меня.

– Всегда думай о последствиях! – выдала мудрым голосом. – Ты же понимаешь, что это неправильно? И думать об этом забудь! – слышишь?

Мельком взглянув на подругу, я тут же опустила взгляд на свои сцепленные пальцы, которые кажется даже посинели от того, с какой силой я их сжала. Впервые за последние пару лет, я вновь почувствовала, как сердце начало учащённо биться в груди. Я даже боялась представить, что будет со мной, когда мы встретимся. Боялась своей неожиданной реакции, при виде его.

– А что, если мои мысли вдруг материализуются? – задаю вопрос больше себе, не Миле.

– А ты этого хочешь?

В голове снова всплывает образ Марка, желание и тяга только удваиваются. Мозг заставляет задуматься, а сердце напротив умоляет продолжать. Нет абсолютно никакого смысла, врать подруге, так как она видит меня насквозь. – Хочу! Очень хочу.

Глаза Милы тут же распахиваются, с лёгким недоумением она глядит на меня. У меня же нет ни малейшего желания выяснять, кто прав в данный момент из нас, а вот судя по её лицу, именно это Мила и намерена сделать. Не даю ей шанса прокомментировать моё последнее признание, так как в этом нет больше смысла, хватаю её за руку и вылетаю из душного помещения, стремясь побыстрее оказаться на свежем воздухе.

– Н да! Сердцу не прикажешь видимо! – искоса смотрит на меня Мила. – Давай, отдышись и пойдём на урок! – А что по поводу Стаса? – вновь подала голос растерянная подруга.

– А что с ним? – неохотно выдавила я из себя. – У него всё равно никаких шансов! Надеюсь он найдёт себе какую-нибудь девчонку, и выкинет меня из своей головы.

– Ага! Знаешь, хотела бы я лично за ценить выражение его лица, в тот момент, когда он увидит тебя! – Хитро улыбаясь она прикусила нижнюю губу и мотнула головой.

– Ты имеешь в виду Стаса? – переспросила я, не поняв, о ком именно она говорит.

– Ну причём здесь Стас? Ты же не к Стасу в гости едешь? – Я говорю о твоём брате!

– Когда-то ему отлично удавалось делать вид, что меня не существует, – Я втянула воздух сквозь зубы и печально посмотрела на подругу.

– Почему-то я уверена, что это лишь затянувшаяся прелюдия между вами, – прошептала Мила с непроницаемым лицом. – И так не будет продолжаться вечно. – Вот увидишь! Твой приезд в гости к брату, многое изменит.

Мы обе вздрогнули от звука прозвеневшего звонка. Мне нечего было больше добавить к сказанному, поэтому молча, лишь переглянувшись, мы зашли в здание школы и направились на следующий урок.

В какой-то степени она была права. А я была рада, что Мила наконец-то поняла меня, разделяя со мной мои мысли и чувства.

Последние два месяца пронеслись незаметно. Всё это время я заваливала себя учебниками, готовясь к экзаменам и зачётам, полностью игнорируя мысли о приближающем отпуске. Блестяще справившись, со всеми экзаменами, я в первую очередь порадовала родителей, вновь повысив свою самооценку перед ними.

И вот наконец настал день нашего отъезда.

– И почему у меня ощущение, что ты чем-то не довольна? – Что тебя пугает? Может сам перелёт? – не унимается отец. Я же продолжала упаковывать свои вещи в чемодан.

– Или может быть ты не хочешь к маминной сестре в гости? – Прислонившись к двери моей комнаты, папа не сводит с меня вопросительного взгляда, то и дело нервируя меня своими догадками.

– Пап всё хорошо, правда!

– Да уж если быть до конца честным, – с осторожностью говорит он и оглядывается по сторонам, боясь, что мама может подслушать наш разговор. – Я и сам не горю особым желанием, потратить три недели своего отпуска на них, – отчеканивает он настолько быстро, проговаривая шёпотом слова. – Мне, знаешь ли эта идея изначально пришла не по душе! Но что только не сделаешь, ради капризов твоей матери.

Обернувшись, приподнимаю вопросительно брови: – Ох! Что я слышу! – Неужели мы снова идём на жертвы, ради кого-то?

– Семья для меня, по-прежнему на первом месте! – выдаёт уверенным голосом отец. – А ты, я гляжу, решила меня раскритиковать? – смеётся он.

– Шутка, пап! Ты же и сам знаешь, на самом деле, какого мнения я о тебе!

– Вы не ладите с мамой, да? – Я, это заметил! – отец резко меняет тему и заинтересованно смотрит на меня, вопросительно приподняв бровь.

Встретившись с его взглядом, я пожимаю плечами. – Думаю, это временно, пап! Обычные проблемы между матерью и дочерью подростком! Такое случается иногда.

– Родители, должны быть лучшими друзьями со своими детьми! Разве нет? – То же самое, я пытаюсь объяснить и твоей матери! – Ну ладно, нет смысла сейчас, перед дорогой учинять семейные разборки! Ты права! – Не буду тебя отвлекать, собирайся и ничего не забудь.

Я вновь пытаюсь сосредоточиться на своих вещах, но всё будто тщетно. Как бы мне не хотелось остаться дома, я знаю, что умолять об этом мою мать, не имеет никакого смысла.

Придётся переступить через себя, через свои запретные и неправильные мысли, и делать вид, что рада встречи с любимыми родственниками.

ГЛАВА 5

(Марк Сорин. Берлин 2007 год.)

«Они никогда не узнают, как я тебя полюбил!

И как пустил по венам твой образ...

Будут говорить, что забыл, разлюбил. Не верь – ты мой обожаемый космос...»

Когда она вошла в наш дом, я был приятно удивлён и потрясён одновременно. Отчаявшись, я даже и предположить не мог, что когда-нибудь настанет тот день, когда я вновь её увижу. И вот она здесь! Её слегка выющиеся каштановые волосы обрамляли худенькое личико, а зелёные глаза растерянно метались по сторонам, изучая интерьер нашего дома. Мой пристальный взгляд не мог не блуждать по её красивому телу. Снежана очень изменилась, стала выглядеть как-то иначе. Её фигурка отлично сложена во всех нужных местах, и это не удивительно, ведь ей уже пятнадцать. Боже, как же я скучал по ней!

В данный момент окружённая вниманием моей матери и отчима, она и представить не может, что я наблюдаю за ней со второго этажа. Приоткрыв дверь своей комнаты, я любуюсь своей кухней, словно долбаный маньяк. Отсюда сверху мне открывается прекрасный вид на просторную гостиную нашего дома, где они все и собрались.

– Чувствуйте себя как дома! -щебечет мама, окрылённая радостью. Она вся светится от счастья, что наконец Светлана вместе со своей семьёй, в полном составе, посетили нас.

Сегодняшним ранним, субботним утром я не смог поехать с родителями в аэропорт, встречать наших родственников из России, по той причине, что вернулся домой с вечеринки каких то пару часов назад.

– Марк, милый! Спускайся к нам! – донеслось до меня, и я оцепенел. Чёрт! Конечно, я и сам должен был уже давно спуститься и поздороваться с роднёй, не ждать, пока моя мама напомнит мне об этом. Захлопнув дверь своей комнаты, я привалился спиной к гладкой поверхности. На плечи будто наложили тонну кирпичей, я не мог сдвинуться с места, а дыхание то и дело сбивалось. Не знаю, похмелье было тому виной или появление моей сестры так подействовало на меня, но мне пришлось сжать зубы, чтобы сдержать в себе панику. Я слышал, как снаружи раздавались радостные голоса моих родителей и наших родственников, но я приказывал себе оставаться на месте. Чёрт, было бы лучше, притвориться спящим, тогда наверняка бы мать отстала от меня на какое-то время.

– Марк! – позвала мама снова. – Давай, приводи себя в порядок и спускайся! Ты слышишь? – не унималась она.

Секунду спустя я услышал голос своей тётки, но не смог разобрать слов, что именно она говорила, и предназначалось ли это мне. Но я тут же застыл на месте, услышав восторженный смех Снежаны. Со слов моей матери, я знал, что моя сестра в совершенстве владеет немецким языком. И в данный момент, она прекрасно демонстрировала свои познания, общаясь с Кристианом. Им всем было весело, они были счастливы встречи друг с другом. Лишь я один чувствовал себя в собственном доме, непрошеным гостем.

Накинув на себя чистую футболку, я подошёл к двери и прежде чем открыть её, прислонился лбом к поверхности, сжимая своей рукой железную ручку.

Спускаясь по лестнице вниз, мой взгляд тут же встретился со взглядом моей кузины. Её глаза слегка округлились, а щёчки вспыхнули. Я смутил её, это было очевидно.

Белое короткое платье облегалo стройное тело Снежаны, будто было сшито под заказ, подчёркивая все прелести её соблазняющей фигуры настолько идеально, что я мог в точности представить, как она выглядит без одежды. С её распущенными, блестящими волосами и безупречной фарфоровой кожей она была как пламя и холодное мороженое – два в одном, и мне безудержно захотелось лизнуть её и обжечься одновременно, приводя тем самым свои запретные мысли в состояние покоя. Она выглядела невероятно сексуальной, наверняка не подозревая об этом.

– Привет Снежана! – немного подавшись вперёд, я протянул ей руку для приветствия.

Наши взгляды встретились и время остановилось, пока мы разглядывали друг друга, напрочь забыв о наших родителях, которые с минуты на минуту должны были появиться здесь в гостиной. Именно эта картинка и останется в моей памяти навечно: слегка округлившиеся глаза и приоткрытые пухлые губы.

Сестра протянула мне свою идеальную, миниатюрную ручку и я не мог не заметить, что она немного дрожала. И дышала Снежана хоть и ровно, но глубоко. Она, как и я нервничала.

– Здравствуй Марк! – еле слышно произнесла она дрожащим голосом.

– И что, вы даже не обнимитесь? – раздался грубый голос её отца за спиной, вернув нас обоих в реальность.

Снежана обернулась первой, и смущённо улыбнулась. Я всё ещё удерживал свой взгляд на ней, но чары так или иначе были разрушены, и мне наконец удалось выдохнуть. Сестра вздёрнула подбородок и сверкнула глазами в мою сторону. Вот чёрт, она же не собирается выполнять просьбу своего отца?

– Мы уже накрыли стол на нашей террасе! – В гостиную залетела мама и я резко обернулся, услышав её радостный голос. – Ох! Мои дорогие, вы уже встретились и кажется немного пообщались? Я рада!

– Встретились, но не успели пообщаться. – Проклятье! Мой голос явно выдавал меня.

– Марк! Племянник мой любимый! – послышался у меня за спиной голос Светланы. Она подлетела ко мне, чуть ли не сбивая с ног, и крепко обняла.

– Господи! Куда же ещё то ты растёшь? – Ирочка, – обратилась она к моей матери. – Какой у него рост?

– Он пошёл в своего отца! – обронила мама, и тут же посмотрела на Кристиана, будто извиняясь перед ним, что вспомнила вдруг имя своего бывшего мужа. – Один метр, восемьдесят восемь сантиметров! – Так, а сейчас всем живо за стол! – прикрикнула она, и впопыхах полетела на кухню.

– Да, да! Давайте пообщаемся лучше за столом! – Мы ужасно голодны с дороги. – жестом своей правой руки Светлана указала в сторону террасы и побежала на кухню, чтобы помочь маме.

– Начинайте без меня, – обращаюсь к Кристиану, наблюдая за тем, как он перебирает бутылки с виски, в надежде удивить гостей своей изысканной и дорогой коллекцией алкогольных напитков.

– Что так? Будешь дальше отсыпаться? – выдаёт он со смехом в голосе и бросает взгляд в сторону Евгения, отца Снежаны. – Ох уж этот подростковый возраст! – Ваша дочь, тоже гуляет по ночам, а потом спит весь день? – обращается к Евгению, тем самым вводя Снежану в краску. Она по-прежнему стоит в стороне, не шелохнувшись, закусывая нижнюю губу от состояния неловкости, в котором теперь оказалась по вине моего отчима.

– Нет! – с гордостью оповещает нас всех Евгений, – У нас нет таких проблем! – правда ведь, солнышко? – он смотрит в сторону дочери, ожидая позитивного ответа. – Моя дочь в отличие от некоторых, – излагает этот хвастливый говнюк, – Уважает мнение собственных родителей!

Я ехидно улыбаюсь, и смотрю в сторону сестры. – Ну да, ну, да ! Толи ещё будет! Малышка ещё не раскусила вкус взрослой жизни! – издеваюсь я, невольно кидая взгляд на Евгения, ожидая встречной реакции.

– Ты и впрямь встал не с той ноги! – насмешливо говорит мой отчим, – Давай ка иди ещё поспи! – пытается разредить между всеми нами, сложившуюся неловкую ситуацию, Кристиан.

– Воспитание, здесь играет немаловажную роль! – не остаётся в долгу Евгений. Чёрт его дер! Почему-то никогда не испытывал к нему нежных, родственных чувств.

– Да, и мы вообще-то никогда не жаловались на плохое поведение Марка! – встаёт на мою сторону Кристиан. – Разве не все мы прошли через это? – Вечеринки, спрятанные сигареты под кроватью. – Это всё проходящее и уходящее! – Не так-ли сынок?

– Ну и что мы тут застряли? Что так яро обсуждаем? – мама заглядывает с террасы в гостиную. – Кому было сказано, за стол!

Смотрю сестре прямо в глаза, пытаюсь уловить её мысли, угадать её следующие действия, но всё тщетно. От подобного, пронизывающего и сканирующего насквозь мою сущность, взгляда, по телу проходит дрожь, заставляющая моё сердце колотиться в бешеном ритме. Далеко не самое приятное ощущение, однако не могу отвести от неё глаз. Нет ни малейшего желания показать перед ней свою слабость, проиграть в этой безмолвной дуэли.

– Увидимся позже, – облегчённо улыбаюсь, мысленно ликуя от того, что не выгляжу проигравшим. – Когда приведу себя в подобающий вид! – Мои слова сопровождаются новым осмотром меня с головы до ног, когда плетусь вверх по мраморной лестнице на второй этаж. Оборачиваюсь, и замечаю, как сестра пристально провожает мою фигуру своим сосредоточенным взглядом. Терпеть не могу, когда смотрят в спину, не переношу чисто физически подобного мерзкого состояния. Но ей всё прощу. Закрою глаза на многие вещи, позволяя идти со мной в ногу, наравне.

– Не мучайся ты так, брат! – Давай, пригласи её на вечеринку ко мне на следующей неделе. И дело с концом!

– Ты полоумный что ли! Какая вечеринка к чёртовой матери? – Её отец туда сроду не отпустит!

– Тогда завязывай себя мучить! Либо забей на неё, либо сделай своей, о чём так давно мечтаешь!

– Как всё у тебя просто! Мы вообще-то всё ещё двоюродные брат и сестра, если ты об этом ещё помнишь!

– Ага! Только я гляжу, тебе это не особо то мешает. – Фантазии так и прут через края!

Том достаёт из ящика очередную бутылку пива, кстати по счёту уже третья и протягивает мне. Сегодня мне всё-таки пришлось тайком сбежать из дома, пока все члены моей семьи наслаждались застольем на террасе. Я не мог больше оставаться там, где повсюду ощущалось её присутствие. Где мой слух ежеминутно впитывал в себя нежнейшие мелодии её голоса. Мысли о ней, заставляют моё сердце и тело трепетать, унося прочь интерес ко всем остальным особям женского пола, в том числе и к моей девушке. А я ведь по сути ещё ничего не сделал, но и вины за собой не чувствую. И всё же в кои то веки голос подаёт моя чёртова совесть, с которой мы давно уже расстались, без каких-либо причин на воссоединение. Может мне следовало поехать к подруге, а не к Тому, которому я продолжаю изливать душу уже в течение нескольких часов, как какой-то долбанный придурок. Жалею, что когда-то пару лет назад признался другу, о тех запретных чувствах, которые имею к своей кузине. Каждый раз испытывал непереносимую ревность, в те моменты, когда сам же показывал ему её фотографии, переснятые из социальных сетей и злился как идиот. Каждый гребанный раз, когда мне приходилось слышать от него, что-то вроде: «Какая сладкая девочка!» или «Я бы развлёкся с этой прекрасной малышкой!». В такие моменты мне хотелось придушить его, либо вырвать его болтливый язык с корнем, за то, что позарился на моё сокровище, не задумываясь о последствиях. И к чёрту всех, кто кричит, что не существует настоящей и искренней любви между близкими родственниками, и ты можешь лишь испытывать мимолётную страсть и симпатию, а не настоящие чувства. К чёрту, это гребенное слово «инцест», которое могло бы испугать любого другого подростка, но

не меня. Заставить, вовремя задуматься над ошибками, которые мог бы совершить. Внушить себе, что есть границы, которые запрещено переступать. Я не из тех, кто живёт по правилам! Может я и эгоист, но я не смогу отдать её другому. Лучше уж искалечу наши жизни, но чёрта с два дам возможность другому, наслаждаться её молодостью, её красотой. Раз и навсегда отобью желание у кого-либо, приближаться и прикасаться к ней. И это – моя твёрдая убежденность, с которой бесполезно спорить. И я не проиграю своим запретным желаниям, никогда!

– Третью бутылку уже почти опустошил! – ехидный смех Тома прорывается сквозь плотный туман моих нрава убеждённых мыслей.

– Жалко, что ли? Имеешь что-то против? – поднимаю предупреждающий взгляд на друга.

– Да, мне то наплевать! Можешь и дальше заливать свою печаль, моим пивом! – Может твоя принцесса сжалиться над тобой сегодня, увидев тебя в таком состоянии? Может и что перепадёт, а?

– Заткнись Том, по-хорошему прошу! – его слова дезориентировали, выбивая из-под ног почву убежденности в том, что смогу противостоять своим тайным желаниям. Не поддаваться чарам её неземной красоты. – Ещё слово, и я забуду, что мы друзья!

– Серьёзно, что ли? – его лицо мгновенно меняется, становясь серьёзным. – Неужели ты готов поставить крест на нашей дружбе, из-за неё?! – Что в ней есть такого, чего нет в Кэтрин?

– Она то тут причём? Ни о ней сейчас речь, Том!

– Тогда какого хрена, ты, чёрт возьми вмешиваешь везде свою сестру? – Или прими всё как есть! Или же заставь её воспринимать тебя, не как брата!

– Ага! Предложи мне лучше другой выход из этого долбанного положения, в котором я оказался, то, о чём я ещё не думал! – И не надо наступать на мою кровоточащую рану! – Понял? Умник хренов!

– Всё закрыли тему Марк! Я не стану вмешиваться в твои отношения с сестрой. Не полезу больше в дебри твоего эгоизма. – Только скажи, что по поводу Кэтрин? Девчонка почти два года на тебя потратила, и мне её немного жаль!

– К кому ты себя причисляешь в данный момент? К Папе Римскому что ли? – Может заставишь меня ещё и исповедаться перед тобой? – я привстал с кресла, дотянулся до полупустого ящика с пивом, и поставил туда свою недопитую бутылку.

– Кэтрин, – моя проблема! Не твоя! – поэтому я сам и позабочусь о ней! Договорились? – Или у тебя, тоже на неё планы?

– Какого чёрта, Марк? Что с тобой происходит? – И что я сказал то такого, я же просто спросил?

– Всё у тебя просто! Сам то пожалуй глаз давно на Кэтрин положил? – Так я не жадный, могу поделиться!

– Чёртов придурок! – шипит раздражённо Том. – Вали уже к своей принцессе! Избавь меня от всех этих соплей, а то меня кошмары ночью замучают!

– Оставайся в комнате. Не провожай. Сам найду дорогу! – подхожу к другу, хлопая того по плечу. – Так что там по поводу вечеринки, на следующей недели?

– В силе! – выдавливают из себя недовольный друг. – Давай, покинь уже мою комнату. Я от тебя уже устал!

Выхожу из дома своего лучшего друга и медленно бреду, сам не понимая куда. Останавливаюсь на секунду, решаю, может и правда нанести визит Кэтрин. На часах всего-то девять вечера! Детское время. Она то уж точно подымет мне настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.